

Цзян Ехун выложил пять золотых слитков, чтобы забрать лучшего танцовщика «Ижэнь-гэ» к себе домой. В конце концов, усадьба была огромной — лишний человек только добавит жизни, а самому ему не придётся целыми днями обмениваться косыми взглядами с псом и петухом.

— Комната на восточной стороне самая светлая. Правда, там давно никто не жил, так что придётся прибраться, — инструктировал он, ведя гостя по двору. — В доме ещё живут петух и чёрный пёс, больше никого. Петуха есть нельзя, пса — тем более. На кухне найдёшь рис и муку, проголодаешься — приготовь что-нибудь сам.

Обычно чёрный пёс, который норовил цапнуть Цзян Ехуна сразу на пороге, сейчас смиренно сидел у ног А-Жо. Такого смирения он ещё не видел. От возмущения у него едва дух не захватило — вот же подлая тварь, судит по внешности!

— Пёс шелудивый, не знал я, что ты такой ценитель красоты, — проворчал он. — Стоило увидеть симпатичное лицо, и ты уже хвостом виляешь?

Пёс повёл глазом в сторону хозяина и яростно зарычал. Цзян Ехун терпел этих двоих только из уважения к прежнему владельцу тела, хотя порой подозревал: животные нутром чуют, что в знакомой оболочке поселилась иная душа, и потому его не жалуют.

Цзян Ехун затянул цепь покрепче и привязал пса, но тот не переставал лаять. А-Жо смотрел на это с кроткой улыбкой — он и впрямь был удивительно красив.

— Господин проявил ко мне милосердие, дав приют, и А-Жо бесконечно благодарен, — мягко произнёс юноша. — А у этого охранника есть имя?

Цзян Ехун сердито зыркнул на кобеля.

— Хэй Яньван. Чёрный Владыка Преисподней.

А-Жо перевёл взгляд на пса — крупный, мощный, с по-настоящему свирепой мордой. Имя подходило ему идеально.

— Вы, верно, ещё не завтракали, господин? Я приготовлю что-нибудь, подождите совсем немного, — сказал А-Жо, обращаясь к Цзян Ехуну.

Несмотря на юный возраст — А-Жо едва исполнилось восемнадцать, — он двигался с врождённым изяществом. Его голос ласкал слух, а в улыбке не было и тени той вульгарности, что часто пристаёт к обитателям весёлых кварталов. В нём сквозила какая-то неземная, почти детская чистота.

А-Жо принялся за дело на кухне. Было видно, что работа ему в радость — место слуги в приличном доме куда лучше, чем участь мишени для сальных шуток всякого сброда. Цзян Ехун

не считал себя великим благодетелем; он просто занимал чужое тело и чувствовал долг перед его прошлым. К тому же он всегда жил по принципу: за зло — мстить, за добро — платить.

Вскоре А-Жо подал несколько простых домашних блюд. Выглядели они аппетитно, а вкус оказался настолько изысканным, что Цзян Ехун невольно восхитился. Настроение сразу поползло вверх.

— Садись, поешь со мной. Чего замер?

Лицо А-Жо, припорошенное мукой, выглядело забавно и мило.

— Вы приютили меня, господин, и я уже счастлив. Как я могу позволить себе сесть за один стол с вами?

Его чрезмерная осторожность начала раздражать Цзян Ехуна. Он с шумом хлопнул палочками по столу и отодвинул соседний стул.

— Садись. Это приказ.

А-Жо в нерешительности опустился на край сиденья, нервно сжимая пальцы. Цзян Ехун протянул ему чистую пару палочек.

— Ты живёшь здесь, но волен уйти, когда пожелаешь. Я не стану ограничивать твою свободу. Ты свободный человек. Я тебе не Гуй-и из «Ижэнь-гэ», чтобы указывать и запирает под замок. Ты покинул то место, так что теперь расправь плечи и живи достойно. В том, что ты оказался в борделе ради куска хлеба, нет позора. Между нами нет никакой разницы — ни в сословии, ни в правах. Не зови меня «господином» и не мни себя слугой. Понял?

В глазах А-Жо блеснули слёзы. Он с благодарностью посмотрел на Ехуна.

— Тогда... можно мне называть тебя старшим братом Чу?

Ехун хотел было предложить «старший брат Цзян», но вовремя спохватился — это могло напугать парня.

— Ладно. Давай ешь. А-Жо ведь не настоящее твоё имя? Как тебя звали до «Ижэнь-гэ»?

Юноша лучезарно улыбнулся:

— Мой отец носил фамилию Жун. А моё имя — Жо.

— Жун Жо. Красиво. Буду звать тебя А-Жо. Ешь скорее, мне ещё в Люшаньмэнь нужно, дел невпроворот.

А-Жо ел очень аккуратно, с той статью, что присуща знатым господам. Рядом с ним Ехун чувствовал себя неотесанным деревенщиной.

— Побудь пока дома, — бросил Ехун, поднимаясь. — Посмотрю, как там продвигается следствие.

Едва он вышел, Жун Жо помрачнел. Он принялся за уборку, вымел дом до блеска, а потом насыпал зерна большому петуху во дворе.

***

Когда Ехун добрался до Шести врат, Чжао Чэнь как раз вернулся с обхода.

— Глава Чу, я всё разузнал. У Ли Фугуя врагов не было. А вот с Лу Чаном из Лавки Собрания Сокровищ всё сложнее. Он торговец антиквариатом, частенько задирает цены и дурил тех, кто не разбирается. Недоброжелателей у него пруд пруди. Я допросил всех в «Цзюбао-чжай» — в момент убийства никто не входил и не выходил.

Ехун снова уставился на свиток «Полёта небожительницы».

— Лао Чжао, подойди-ка. Посмотри на картину подольше. Тебе не кажется, что фея на ней тебе улыбается?

Чжао Чэнь уставился на холст, как на привидение, но через минуту недоуменно пожал плечами:

— Глава, это же просто рисунок. Она нарисованная, как она может улыбаться? Вам, наверное, почудилось.

Ехун разочарованно махнул рукой.

— Что говорит Лао Хо?

— Говорит, что состояние тела и причина смерти Лу Чана — один в один как у Ли Фугуя. Оба либо скончались от внезапного приступа, либо были до смерти напуганы.

Ехун обернулся к стене, где висела злополучная картина.

— Для внезапной смерти нужна причина. А «напуганы до смерти»... Что же они увидели? Обоих нашли среди бела дня. Разве призраки разгуливают при свете солнца? Что это за нечисть такая? Выяснил, откуда Лу Чан взял эту картину?

Чжао Чэнь покачал головой:

— Я тряс всех в лавке, никто понятия не имеет.

У Ехуна снова разболелась голова. Начальство давит, улики — ноль, зацепок нет. Нельзя же написать в отчёте, что их напугал призрак. Он и сам в это не верил.

— Пошли людей поспрашивать ещё раз. А я съезжу в одно место.

— Подождите, глава Чу! — Чжао Чэнь замаялся. — Говорят, вы и вправду купили того красавчика из «Ижэнь-гэ» и притащили домой?

— Ого, как быстро слухи разлетаются. Что-то в расследовании ты не проявляешь такой прыти, — связвил Ехун.

Чжао Чэнь смущённо кашлянул:

— Да я просто не думал, что вы...

Ехун отвесил ему лёгкий подзатыльник.

— Не думал он. А-Жо — сын Чай Цинцин, моей спасительницы. Как я мог оставить его там на произвол судьбы? Живо за работу!

— Слушаюсь, слушаюсь!

Сказать-то легко, а вот с чего начинать? Голова у Ехуна шла кругом. Он решил вернуться домой и ещё раз расспросить А-Жо. Тот уже успел навести в усадьбе такой порядок, что он едва её узнал.

— Старший брат Чу, почему ты так рано?

— Дела не клеятся, — честно признался Ехун. — Скажи, когда Ли Фугуй приходил к тебе, он упоминал картину «Полёт небожительницы»?

Жун Жо замер с метлой в руках, задумавшись.

— Прямо — нет. Но когда Юаньвай Ли зашёл, он был сам не свой. Ходил по комнате из угла в угол и ворчал.

— Что именно он говорил?

— Сказал: «Тьфу, невезение! Стоит увидеть эту картину, и всё наперекосяк, будто дурной сглаз подцепил». Собирался даже даоса позвать, чтобы порчу снять. Ещё возмущался, зачем это Лу Чан выкупил её обратно, почему не продал поскорее. Мол, хранит у себя беду на голову. Юаньвай Ли был очень взвинчен, он так пучил глаза... жуткое зрелище.

Ехун сопоставил факты. Картина. Ли Фугуй считал её проклятой. Но почему?

— Старший брат, о чём ты? Я ничего не понимаю, — А-Жо смотрел на него широко распахнутыми глазами.

— А-Жо, ты в дорогах разбираешься? Стороны света не путаешь?

Юноша кивнул:

— Вроде бы нет.

— Собирайся. Едем в деревню Девяти Семей.

***

Деревня Девяти Семей

Путь был неблизким, пришлось ехать верхом. Ехун, опытный в делах цзянху, держался в седле уверенно, но для А-Жо поездка стала испытанием. Он вцепился в пояс Ехуна мёртвой хваткой и зажмурился.

— Полегче, — выдохнул Ехун, когда хватка стала слишком крепкой. — Ты мне сейчас хребет переломишь.

А-Жо в испуге разжал руки:

— Прости, прости! Я просто...

Он едва не соскользнул с лошади и тут же снова ухватился за поясницу Ехуна. Ситуация была неловкой.

— Да я не говорю не держаться, просто не души меня, — пробормотал Ехун, чувствуя, как предательски краснеют уши. Всё-таки оба мужчины, чего тут стесняться?

— Хорошо... — А-Жо ослабил хватку, но из-за тряски на дороге он то и дело невольно прижимался к спине Ехуна.

Миновав Девять Рек, они увидели зажиточное поселение. Деревня Девяти Семей славилась своим рисом. Она стояла в низине, где было теплее и хватало воды для полей, а дома лепились на склонах, напоминая террасы.

Ехун соскочил на землю и помог спуститься А-Жо. У въезда играли дети. Жун Жо с мягкой улыбкой подошёл к ним, и те сразу окружили его, щебеча: «Ой, какой красивый братик! Вы небожитель?»

А-Жо раздал им сладости и быстро разузнал всё, что нужно.

— Прямо по главной улице, пятый дом слева.

Ехун застыл в изумлении:

— И это всё? Так просто?

А-Жо смущённо улыбнулся, на его щеках проступил лёгкий румянец:

— Дети порой знают больше взрослых. Здесь почти все — рисоводы, людей искусства можно по пальцам пересчитать.

Ехун довольно рассмеялся. Пять золотых слитков определённо того стоили.

— Молодец, сообразительный.

Они подошли к нужному дому. Калитка была приоткрыта, весь двор был забит свитками и набросками. Ехун постучал:

— Эй, хозяйева! Есть кто?

Он заглянул внутрь, продолжая звать. Вдруг справа мелькнула белая тень. Ехун среагировал мгновенно: удар ногой, меч со свистом покинул ножны. Человек в белом, схватившись за живот, повалился на землю с воплями:

— Убивают! Средь бела дня убивают!

Ехун прижал его грудь сапогом к земле:

— Не ори. Захотел бы убить — ты бы и пикнуть не успел.

Он продемонстрировал жетон Люшаньмэнь, и крики тут же стихли. Перед ним лежал тощий, желчный человек с острым крысиным лицом. На нём был несуразно широкий белый халат, исписанный строками из «Шицзина».

— Что ловцу из Шести врат понадобилось в моей обители? — Мужчина достал флягу, сделал жадный глоток и уставился на притаившегося за спиной Ехуна А-Жо. Его глаза масляно блеснули.

Ехун шагнул в сторону, закрывая юношу своим телом.

— Ты и есть Мочжу-кэ? Отвечай: это ты продал Лу Чану картину «Полёт небожительницы»?

<http://bllate.org/book/17428/1648671>